

Заметка по поводу арабских и персидских заимствований в долганском языке и путей их проникновения на север¹

Marek Stachowski
(Kraków)

1. Одной из черт, ярко отличающих долганскую лексику от якутской, является значительно меньшее количество слов арабского и персидского происхождения. В долганском языке их нам удалось найти очень мало, примерно десять, тогда как в якутском их всех вместе около тридцати (см. StachM PEJ для персидских и StachM AEJ для арабских слов). Интересно, что даже только начинающиеся исследования арабского и персидского пластов лексики тюркских языков Южной Сибири, позволили — несмотря на отсутствие больших словарей типа якутского словаря Э. Пекарского — выявить около сорока арабских и персидских слов, распространенных, правда, достаточно неравномерно в сибирских тюркских языках (StachM APS 258-259). Тем самым перед нами возникает вопрос о том, как объяснить столь небольшое число арабских и персидских слов в долганском языке.

Прежде чем перейти к дальнейшим частям нашей заметки, хотелось бы подчеркнуть предварительный характер всех наших замечаний. Хотя интерес к арабским и персидским заимствованиям в языках не-мусульманских народов Азии проявился много лет назад, он, к сожалению, никогда вполне не развился. Достаточно

¹ Автор пользуется оказией, чтобы поблагодарить профессора Е. Хелимского (~ Батюшка Сень), являющегося настоящим современным *spiritus movens* изучения народов и языков Таймыра, за его организационную инициативу, благодаря которой автор мог провести летом 1995 г. полевую работу на Таймыре.

сказать, что вряд ли можно бы сегодня назвать хоть одного современного востоковеда продолжателем Владимирцова, который еще в 1930 г. издал весьма интересную статью по этой теме (см. библиографию). Также и за рубежом России работы такого типа появляются редко. И так, очень ценная монография Б. Шернера об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (см. в библиографии: Schern.) не поможет исследователю сибирских языков, так как пути проникновения мусульманских слов в чувашский и например в долганский или якутский языки различны. При этом тщательная разработка путей проникновения и анализ фонетических черт иранизмов однозначно показывает (см. напр. Bläs. passim), что некоторые из них являлись в действительности не персидскими, а курдскими заимствованиями, так что осторожность здесь очень к месту.

Одной из вообразимых причин небольшого количества арабских и персидских слов в долганском языке может явиться, конечно, относительная неизученность долганской лексики. И это без сомнений верно. С другой стороны, даже без «долганского Пекарского» можно бы ожидать, что в доступных нам изданиях найдутся слова, относящиеся к повседневной жизни, как напр.:

(1.1) 'цена' — ср. алт., хак., шор. *pā* < перс. *bāha* 'то же';

(1.2) 'окно' — ср. чул. *tārāčä* < перс. *dāriče* 'то же';

(1.3) 'тетрадь' ~ 'книга' — ср. тув. *däptär* < перс. *däftär* 'то же';

(1.4) 'неприятель, враг' — ср. алт., брб. *tušman* < перс. *dušmān* 'то же';

(1.5) 'бумага' — ср. хак.диал. *xayas*, алт. *xagas*, чул. *kagas* 'бумага' ~ шор. *kagat* 'дневники' < перс. *kağād* 'бумага';

(1.6) 'миска, блюдо' — ср. алт. *tabaq*, тув. *tavak*, хак. *tabax* < араб. *ṭabaq* 'то же';

(1.7) 'мыло' — ср. алт. *samyn*, тув. *savañ*, хак. *sabyn*, чул. *sābyn* < араб. *ṣābūn* 'то же';

(1.8) 'народ' — ср. алт. *qalyq*, чул., шор. *kalyk*, хак. *xalyx* < араб. *ḥalq* 'то же';

(1.9) 'известие' — ср. алт. *qabar*, брб. *xabär*, хак. *xabar* < араб. *ḥabar* 'то же';

(1.10) 'имущество, собственность' — ср. алт., тоф., тув. *mal* '1. имущество; 2. скот' < араб. *māl* 'имущество, собственность'.

Иначе говоря: неизученностью долганской лексики невозможно объяснить отсутствие арабских и персидских слов типа 'окно', 'бумага' или 'мыло', так как эти русские слова можно найти в предназначенном для начальных школ долганско-русском и русско-долганском словаре (ДРД) и если бы эти понятия обозначались арабскими или персидскими словами, мы бы об этом благодаря ДРД знали.

Другие возможные причины можно пробовать искать в хронологии или диалектальном распределении заимствований. Этот путь нам кажется более надежным, но для — хотя бы частичного — решения этой проблемы нужно прежде всего среди арабских и персидских слов долганского языка выделить самые надежные.

2. Сомнительным словом нам кажется например долг. *amma*, употребляемое вместе с *da* в начале восклицаний типа долг. *amma da ulakan!* 'ох, какой большой!' (устное сообщение Е. А. Бетту [Дудинка] — ПЗ). Удивительно то, что долг. *amma da* вполне (т.е. и по форме и по употреблению) совпадает с осм. *amma da* (< осм. *amma* < араб. *ammā* 'aber, doch', Stach. AL I 18). Однако, при отсутствии большого числа обыкновенных существительных (и тем самым: при отсутствии глубокого влияния арабского языка на долганский) трудно поверить в заимствование такого восклицательного слова. Более убедительной нам кажется этимологическая связь долг. *amma* с якутским модальным словом *ama* (которое, возможно, является результатом переосмысления якут. [< монг., см. § 6] *ama* 'обыкновенный, простой'), употребляемым между другими со значением 'неужели, да разве; уж, же, ну, наконец-то, еще как', при чем двойной *-mm-* в долганском языке мы ранее всего готовы интерпретировать как эмоционально обоснованное удлинение в произношении этимологически краткого согласного *-m-*.

Эта наша догадка находит, оказывается, подтверждение в записях Сэцу Фудзисиро, которая долг. *ama ör* переводит как 'очень долго' (Fuj. 271), а долг. *ama ulakan hamyr tüstä* как 'очень большой дождь упал = пошел сильный дождь' (Fuj. 272). Думаем, на основании сказанного выше (и прежде всего на основании переводов Е. А. Бетту) можем *ama ör* перевести как 'как долго!', а *ama ulakan hamyr tüstä* как 'какой сильный дождь пошел!'. Этих объяснений, как мы

полагаем, достаточно для того, чтобы вычеркнуть слово *ama* ~ *amma* из списка арабских заимствований в долганском языке.

Исключить из нашего списка придется также еще и следующие слова: долг. *ambar* (в: *ambardāk*, прилагательное [Лаб. 21]) 'амбар', *aragy* 'вино', *hajtan* ~ *hajtān* 'шейтан', *hākyr* 'сахар', *hundūk* 'сундук' и *kumās* 'кумач', хотя все они несомненные заимствования из персидского (*hākyr* << перс. *šekār*) и арабского (*aragy* << араб. 'araq; *hajtan* ~ *hajtān* << arab. *šajṭān* [< эфиоп. *sajeṭān*, Stach. AL III 102]; *hundūk* << араб. *ṣundūq* ~ *ṣandūq*; *kumās* << араб. *qumāš*) языков. Но из них *aragy* является типичным бродячим словом, засвидетельствованным в почти одной и той же самой фонетической форме в самых различных языках Сибири,² а *ambar*, *hākyr* и *hundūk* попали в долганский язык без сомнений через посредство русского, так что ни одно из этих слов не имеет значения для исследования древних (т.е. до прихода долган на Таймыр) контактов долганского языка с теми языками, которые могли передать ему слова мусульманского мира.

3. Тем самым в нашем распоряжении остаются всего три интересных слова:

(3.1) долг. *ätāṅṅä* 'хороший, счастливый' = якут. *ätāṅṅä* 'in gutem Zustand, unversehrt, glücklich, wohlbehalten' = др.-тюрк. *äsängü* '1. unversehrt, vollständig; 2. Gesamtheit' < др. -тюрк. *äsän* (= монг. *esen*) 'gesund' < перс. *asan* 'легкий'.³

(3.2) долг. *bolot* 'меч' = якут. *bolot* '1. altertümliches kurzes Schwert; 2. Streitkolben' (= монг. *bolot* ~ *bolod* ~ *bolad* ~ *bolud* 'сталь') < перс. *pulad* 'сталь' (StachM PEJ 111 и след.).

(3.3) долг. *käpsä-* 'рассказывать, говорить' = якут. *käpsä-* 'то же' < **kär* < перс. *gär* '1. беседа, болтовня; 2. хвастовство; 3. (диал.) слово' (StachM PEJ 112).

Можно ли на основании всего лишь трех слов рисковать вообще какие-то выводы? Это действительно очень опасное дело и мы поэтому ограничимся только осторожными догадками.

² Ср. напр. с одной стороны эвенк. *arakī* (Болд. 45 s.v. *водка*, 43 s.v. *вино*) и с другой черем. *araka* 'Wein' (Veenker 24).

³ О суффиксе *-gä* ~ *-gü* см. StachM PEJ 107 и след.

4. Читателю наверно бросилось в глаза, что в примерах (3.1) и (3.2) даются монгольские соответствия долганских слов, а в (3.3) нет. Какой язык является тогда посредником при передаче перс. *gär* в долг. **kär* (3.3)? Нам кажется, что таким языком может быть (древне-) киргизский, который мы несколько лет назад предложили в качестве посредника для другого слова, а именно: перс. *kaikul* 'Haarschopf, Haarlocke' > кирг. *kökül* 'челка; косички спускающиеся на виски' (Юд. I 419) > якут. *küyül* (~ *köyöl*) 'челка, чуб' (StachM PEJ 113). Киргизское посредство казалось нам тогда из-за *-k-* (> якут. *-γ-*) самым удобным из исторически — фонетической точки зрения (хотя вокализм кирг. *kökül* не позволяет хорошо объяснить якутский вариант с *ö-ö*).⁴ Похоже обстоит дело и с долг., якут. **kär*, для которого кирг. *kär* '1. слово, разговор; 2. суть дела, серьезный разговор' (Юд. I 374) < перс. *gär* (3.3) кажется из-за начального *k-* вместо *g-* очень благоприятным в фонетическом плане. Правда, семантически киргизское слово немножко отличается от долганского, но киргизское значение (2), наверное, развилось вторично из значения (1), тем более, что и в персидском источнике отсутствует признак серьезности.

Если в такой ситуации принять, что арабские и персидские слова попадали в древне-якутский язык (и оттуда в долганский) не только через монгольское и русское,⁵ но и через киргизское посредство, то

⁴ Также и посредство монг. *kökül* ~ *käkül* не решает этой проблемы (интересно впрочем, что Doefger 306, № 101 этимологизирует узб. *käkil* не прямо из персидского языка, а из монгольского). Можно бы в согласии с Porre passim реконструировать монг. **kököl* (вместо *kökül*, Lessing 483b) на основании якут. *köyöl* (тем более, если учесть современное монг. *ᠬᠥᠶᠦᠯ* id.), что кажется вполне допустимым (и тогда киргизское посредство является излишним [для якут. *köyöl*, но не для якут. *köyül*], а гласные якут. *köyöl* объясненными). Но такое предположение тоже еще всего не решает. Неясным остается вопрос, почему перс. *-i-* воспринималось Монголами не только как *-ü-*, но и как **-ö-* (палатализацию гласных *a-u* > **ä-ü* можно объяснить не достаточно задним произношением персидских согласных *k* и особенно *l* [ср. осм. *kabul-ü* < *kabul*], лабиализацию **ä-i* > *ö-ü* [хотя скорее всего ожидалось бы **ä-i* — особенно в монгольском, в котором ударение падает на первый слог] влиянием **ü* на **ä*, но причины перехода *ö-ü* (или **ä-ü*?) > монг. **ö-ö* неясны.

⁵ При этом необходимо различать между словами, попавшими в сибирско-русские диалекты уже во время жизни русского населения в Сибири и

это обозначает, что мы тем самым прокладываем новый путь в господствующих до сих пор воображениях о мусульманско-немусульманских контактах, ср. напр. мнение В. Шотта: “Der Islam, die Religion aller übrigen Türken, ist niemals bis zu ihnen [т.е. к якутам] gedrungen und wahrscheinlich hat ihnen kein muhammedanisches Volk jemals eine längere Periode hindurch nahe gewohnt” (Schott 333 и след.).

Уместно здесь добавить, что и два остальных слова, т.е. *ätänjä* (3.1) и *bolot* (3.2) не обязательно должны считаться монголизмами, поскольку они также могли попасть в якутский, а затем в долганский язык из (древне-) киргизского.⁶

Впрочем, вопрос о числе путей проникновения тем самым все же еще далеко не закрыт. Пока, например, никто не задал вопроса (и тем более, не ответил на него), насколько реальный “западный путь”, т.е. через татарский язык и сибирско-татарские диалекты. Если взять во внимание необыкновенную активность татарских торговцев, особенно начиная с второй половины XVIII в (Карр. 35 и след.), которые свои продукты возили между другими в Хакасию, правдоподобие “татарского пути” существенно возрастет.

Неясным остается также вопрос о роли енисейских языков. В коттском языке XVIII в. засвидетельствовано например слово *araka* ‘вино’ (Верн. 69). Было ли оно “промежуточным звеном” на пути этого явного арабизма из Юга на Север⁷ или это позднее заимство-

словами, заимствованными им еще до переселения на восток от Уральского хребта, т.е. “досибирскими” заимствованиями. Разумеется само собой, что это различие, введенное в научный обиход и последовательно проиллюстрированное фактическим словарным материалом в монографии А. Е. Аникина (см. Аник. 7-11, 14 и след., а также напр. слова *гамыра* [досиб. русск. < тат. < араб.] на стр. 46 и *сеит* [досиб. русск. < тюрк. < араб.] на стр. 74), имеет принципиальное значение для надежного восстановления хронологии заимствований в Сибири. На полях вспомним здесь об еще одном иранизме, который в Восточную Сибирь попал возможно через русское посредство: иран. (ср. древнеиран. **paradi-*) > общеперм. **puri* (> коми, удм. *puri*) ‘нож’ (? > русск. диал. *пурт*) > эвенк. *purta* ‘то же’ (последний переход в Аник. УР 19, № 23 стоит под вопросом; относительно общеперм. **puri* см. КЭСК 233).

⁶ Ср. кирг. *äsän* ‘благополучный’ (Юд. II 466), *boloi* ‘сталь, булат’, *boloi kylyç* ‘булатный меч’ (Юд. I 13).

⁷ Относительно этой возможности ср. типологически параллельную ситуацию с гипотезой Ю. Клапрота, развитой Е. Хелимским о проникновении кавказского названия лодки в уральские языки именно через енисейское

вание из тюркских языков Сибири? Уже теперь можем на основании весьма поверхностного просмотра енисейского материала уверенно сказать, что в нем находятся различные тюркские слова (напр. котт. XVIII в. *kutyš* 'деньги' [Верн. 69] ~ 'серебро' [Хел. АМ 200] = арин. XVIII в. *komyšok* 'серебро' [там же] = пумп. XVIII в. *kütmüč* 'золото' [Хел. АМ 208: <kümmütsch>], котт. *bōru* 'волк' [Верн. 69], асс. *kolla* 'латунь' [Верн. 100]⁸ и др.), которые вне всякого сомнения укладываются в несколько хронологических пластов. И так напр. котт. *balthu* 'топор' (Верн. 90)⁹ правдоподобно старше чем котт., арин., асс. *kulun* 'жеребенок' (Верн. 88)¹⁰ и, может быть, даже занимает такое же самое место на пути из Юга на Север, как *araka*. Какое место занимает в этой хронологии котт. *koaš* ~ *koäš* 'красивый' (Верн. 76), связанное без сомнений с тюркскими словами: чул. *kuas* ~ *kōs*, тув. *kās* 'то же' = тоф. *kās* 'рисунок, картинка', хак. *xos* 'Zeichnung', которые происходят или < перс. *kāgaḍ* 'бумага' (StachM APS 251, § 2.13) или < перс. *xoš* 'приятный, милый'? Без надежных словарей типа "енисейской Цинциус" не сможем удовлетворительно ответить на вопрос о роли этих языков.

5. Киргизский путь проникновения арабизмов и фарсизмов на Север важен по той причине, что он, должно быть, старше монгольского и тем более русского путей. Правдоподобным кажется датировать заимствования, прошедшие по киргизскому пути, примерно X-XII столетием, тогда как монгольское посредство охватывает XIII-XIV вв., а русское начинается только в XVI/XVII в.

Невеликое количество арабизмов и фарсизмов можно воспринимать как указание на их ограниченное распространение на территории якутского языка во времена до ухода предков долган на

посредство (Хел. КУ 243, № 28).

8 Данное слово появляется в списке ассанских слов, не имеющих своих соответствий в коттском. Оно, однако, несомненно идентично с котт. *kolá* 'медь' (Верн. 83) и пумп. XVIII в. *kóla* 'медь; латунь' (Хел. АМ 208) и поэтому его можно вычеркнуть из списка. Об этимологии слова *kola*, которое попало в енисейские языки правдоподобно через тюркское или монгольское посредство из китайского языка см. теперь Рыб. 226-228.

9 Ср. котт. XVIII в. *baltu* = арин. XVIII в. *baltok* 'топор' (Хел. АМ 202).

10 Ср. еще пумп. XVIII в. <chilùn kutt>, т.е. *kylun kut* 'жеребенок' < *kylun id.* + *kut* 'лошадь, жеребец, мерин' (Хел. АМ 210).

Таймыр. Эта ограниченность, возможно, связана с (по крайней мере) двумя эмиграционными волнами пра якутов. Фонетический анализ якутских слов однозначно показывает, что в прошлом существовали две (или даже больше) эмиграционных волн, принесших с собой в Ятутию два разных древнетюркских диалекта. Если бы арабские и персидские слова принадлежали первой из этих волн, можно было бы скорее всего ожидать их большой распространенности на всей территории, занятой якутскими завоевателями. Возможно, что вот именно этой волне и принадлежат те слова, которые попали и в долганский язык, тогда как остальные арабизмы и фарсизмы якутского языка до ухода долган на Таймыр были (как принадлежащие второй волне, т.е. как относительно новые заимствования) географически ограничены и распространились только в новейшее время.

Описываемая здесь ситуация является лишь одной из вообразимых моделей. Можно представить себе, конечно, и далеко более сложные сценарии. Но в пользу этой прозрачной модели говорит, кажется, слово *käpsä-*, т.е. тот факт, что со времени заимствования **kär* прошло достаточно много времени для возникновения происходного *käpsä-* и, более того, также для и исчезновения из языка самого **kär*.

6. Для полноты наших изложений уместно добавить, что вне нашего внимания остались еще две относительно маленькие группы слов.

Это с одной стороны слово *as* 'пища, еда', которое во-первых не всеми исследователями признается иранизмом, а во-вторых находится в большинстве тюркских языков, так что, если это действительно заимствование, то очень древнее, не позже чем древнетюркское, и поэтому для нашей темы не имеет значения. Тем более, что *as*, даже если иранизм, то необязательно фарсизм.

Наконец вспомним о словах, которых мы здесь не рассматривали ближе, потому что их арабское или персидское происхождение является явной ошибкой. В эту группу причисляем напр. долг., якут. *ama* 'обыкновенный, простой', которое не арабизм (вопреки Поп. 68), а монголизм (Кал. I 10; обширную дискуссию см. в StachM AEJ); долг., якут. *ärbä-* 'пилить', которое (вопреки VEWT 49a) не фарсизм, а исконно тюркское слово (= Махм. Кашг. *irbä-* 'то же', Kaf. EJE

122); долг., якут. *küört* 'серый' (устное сообщение А. А. Барболиной [Дудинка] — ПЗ), которое регулярно развилось < **körk* < **kögäräk* (? **kögärik*) < **kök* 'синий; зеленый'¹¹ и не имеет связи с общетюрк. *kükürt* 'сера' < перс. *gugird*; долг., якут. *üs* 'мастер', которое (вопреки Ném. 40) не искаженный вариант перс. *ustad* 'то же', а исконно тюркское производное от глагола *u-* 'мочь, уметь' (TMEN II 145).

Закончить эту заметку хочется желанием, чтобы нашлись молодые адепты лингвистики, которые сбором арабизмов и фарсизмов в языках Сибири и анализом их путей проникновения на Север занялись бы не попутно, а тщательно и глубоко.

Литература

- Анйк. = Аникин, А.Е.: *Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Пробный выпуск*, Новосибирск 1995, 89 стр.
- Аник. УР = Аникин, А.Е.: "Об уральском вкладе в лексику русских говоров". *Uralo-Indogermanica I*, Москва 1990: 16-22.
- Болд. = Болдырев, Б.В.: *Русско-эвенкийский словарь*, Новосибирск 1994, 498 стр.
- Верн. = Вернер, Г.К.: *Сравнительная фонетика енисейских языков*, Таганрог 1990, 255 стр.
- Влад. = Владимирцов, Б.: "Арабские слова в монгольском". *Записки Коллегии востоковедов* 5 (1930): 73-82.
- ДРД = Аксенова, Е.Е. / Бельтюкова, Н.П. / Кошеверова, Т. М.: *Словарь долганско-русский и русско-долганский*, Санкт-Петербург 1992, 192 стр.
- Кал. = Калужиньски, С. [= Kałużyński, S.]: "Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы", I. *Rocznik Orientalistyczny* 39/2 (1978): 5-14.
- КЭСК = Лыткин, В.И. / Гуляев, Е.И.: *Краткий этимологический словарь коми языка*, Москва 1970, 386 стр.
- Лаб. = Лабанаускас, К.И.: *Долганские песни* (= Фольклор народов Таймыра 4), Дудинка 1993, 88 стр.
- ПЗ = Полевые записи автора.

¹¹ О развитии **ögVC* > **öC* > *üöC* см. StachM GJV § 19.3; относительно *-ri* < **-rk* ср. напр. якут. *xort-* < **kork-* 'бояться', якут. *art* < **ärk* 'чистый'.

- Поп. = Попов, Г.В.: *Слова "неизвестного происхождения" якутского языка (сравнительно-историческое исследование)*, Якутск 1986, 148 стр.
- Юд. = Юдахин, К.К.: *Киргизско-русский словарь*, т. I: Москва 1965, 503 стр.; т. II: Фрунзе 1985, 476 стр.
- Хел. АМ = Хелимский, Е.А.: "Архивные материалы XVIII века по енисейским языкам". *Палеоазиатские языки*, Ленинград 1986: 179-213.
- Хел. КУ = Хелимский, Е.А.: "Keto-Uralica". *Кетский сборник*, Ленинград 1982: 238-251.
- Bläs. = Bläsing, U.: "Kurdische und Zaza-Elemente im türkeitürkischen Dialektlexicon. Etymologische Betrachtungen, ausgehend vom Nordwestiranischen". *Dutch Studies NELL* 2 (1995): 173-218.
- Doerfer = Doerfer, G.: "Die özbekischen Lehnwörter in der Sprache der Araber von Buchara". *Central Asiatic Journal* 12 (1968/69): 296-308.
- Fuj. = Fujishiro, S.: "Materials of the Dolgan language in Таумур" [на япон. языке]. *Gengogaku Kenkyu* 11 (1992): 261-284.
- Kař. EJE = Kařużyński, S.: "Einige jakutische Etymologien". *Studia Orientalia* 47 (1977): 121-130.
- Kapp. = Kappeler, A.: *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung — Geschichte — Zerfall*, München 1993², 395 стр.
- Lessing = Lessing, F.D.: *Mongolian-English dictionary*, Bloomington 1973, XV + 1220 стр.
- Ném. = Németh, Gy.: "Az ősjakut hangtan alapjai". *Nyelvtudományi Közlemények* 43 (1914): 3-81.
- Poppe = Poppe, N.: "On some vowel correspondences in Mongolian loanwords in Turkic". *Central Asiatic Journal* 13 (1969): 207-214.
- Ryb. = Rybatzki, V.: "Bemerkungen zur türkischen und mongolischen Metallterminologie". *Studia Orientalia* 73 (1994): 193-251.
- Schern. = Scherner, B.: *Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen*, Wiesbaden 1977, XXX + 232 стр.
- Schott = Schott, W.: "Über die jakutische Sprache". *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland* 3 (1843): 333-342.
- Stach. AL = Stachowski, S.: *Studien über die arabischen Lehnwörter im*

- Osmanisch-Türkischen*, т. I: A—İ Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk 1975, 145 стр.; т. II: N—T, Wrocław = Warszawa — Kraków — Gdańsk - Łódź 1981, 147 стр.
- StachM AEJ = Stachowski, M.: “Arabische Etymologien in der Geschichte der jakutischen Wortforschung”. *Zeszyty Naukowe UJ. Prace Językoznawcze* 117 (1995): 125-138.
- StachM APS = Stachowski, M.: “Beiträge zur Kenntnis der arabischen und persischen Lehnwörter in den südsibirischen Türksprachen”. *Folia Orientalia* 29 (1992-1993): 247-259.
- StachM GJV = Stachowski, M.: *Geschichte des jakutischen Vokalismus*, Kraków 1993, 208 стр.
- StachM PEJ = Stachowski, M.: “Persische Etymologien in der Geschichte der jakutischen Wortforschung”. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 142/1 (1992): 105-119.
- TMEN = Doerfer, G.: *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, т. II: Wiesbaden 1965, 4 + 671 стр.
- Veenker = Veenker, W.: *Materialien zu einem onomasiologisch-semasiologischen vergleichenden Wörterbuch der uralischen Sprachen* (= Hamburger Uralistische Forschungen I), Hamburg 1975, XXVI + 445 стр.
- VEWT = Räsänen, M.: *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*, Helsinki 1969, XVI + 533 стр.

Dolgancadaki Arapça ve Farsça Alınma Sözcüklerin Kuzeye Nasıl Gittikleri Hakkında

Dolgancayı Yakutçadan ayıran en önemli özelliklerden biri, Dolgancada Arapça ve Farsça sözcüklerin daha az olmasıdır. Yakutçada toplam 30 adet Arap-Fars kökenli sözcük bulunurken, Dolgancada sadece 10 sözcük bulabildik (Far. için bkz. StachM PEJ, Ar. için StachM AEJ). Güney Sibiry Türk dilleri için her ne kadar E. Pekarsky'nin Yakutça sözlüğü gibi büyük bir sözlük yoksa da, yeni yeni gün ışığına çıkarılan Güney Sibiry dillerinde Arapça ve Farsça alınma sözcükler araştırıldığında, Sibiry Türk dillerinde, tam olmamakla birlikte, 40'a yakın Arap-Fars kökenli

öğenin bulunması çok ilginçtir (StachM APS 258-259). Dolayısıyla Dolgancadaki bu az sayıdaki Arapça-Farsça sözcüğün Dolgancaya nasıl girdiğini açıklamak gibi bir sorun karşımıza çıkıyor.

Konuya geçmeden bu konuda daha önce yazılmış yazıları hatırlatmak istiyorum. Müslüman olmayan Asya halklarının dillerinde kullanılan Arapça, Farsça sözcüklere ilgi çok eskiden beri vardı, fakat yaygınlaşmamıştı. Daha 1930'da bu konuda ilginç bir makale yazan Vladimirtsov'un izinde giden doğubilimcilerin olmadığını söylemek bu konu üzerindeki çalışmaların yaygınlaşmadığını göstermek için yeterlidir sanırım. Bu tip çalışmalar Rusya dışında da nadirdir; B. Scherner'in (bkz. bibl. Schern.) Çuvaş dilindeki Arapça, Farsça sözcükler hakkındaki değerli çalışması da Sibiryalı dilleri üzerindeki araştırmalara yardımcı olmaz, çünkü bu tür sözcüklerin Çuvaş, Dolgan ve Yakut dillerine giriş yolları farklıdır. Örneğin Türkiye Türkçesindeki bu sözcüklerin giriş yollarının ve ses özelliklerinin araştırılması sonucu (bkz. Bläs., a.g.e.), bu sözcüklerin kimilerinin Farsça değil Kürtçe alıntılar olduğu ortaya çıkmıştır.

Dolgancada az da olsa Arapça ve Farsça sözcüğün olmasının bir nedeni de, tahminen, bu dilin sözvarlığının yeterli olarak incelenmemesine bağlıdır. Diğer taraftan "Pekarsky'nin Dolgancası" olmasa bile elimize geçen yayınlardan günlük birtakım sözcükler bulabilirdik.

Diğer bir deyişle, Dolganca incelenmemiş olsaydı *okno*, *bumaga*, *mulo* gibi Arapça, Farsça sözcüklerin varlığından söz etmek mümkün olmazdı. Bu Rusça sözcükleri *Dolganca-Rusça*, *Rusça-Dolganca* (DRD) ilkököl sözlüklerinde bulmak mümkündür. Eğer bu sözcüklerin Arapça ve Farsça oldukları söz konusu sözlüklerde belirtilseydi, biz de bunu DRD sayesinde öğrenirdik. Bir başka konu da, dilin tarihi süreci içerisinde alıntıların ağızlara göre dağılımıdır. Bize göre bu noktaya dikkat edilmesi alıntıları araştırmada en güvenilir yoldur. Ancak sorunu çözmek için önce en azından Dolgancadaki Arapça, Farsça sözcüklerin içinden en güvenilir olanlarını seçmek gerekir.

Dolganca *amma* sözcüğünün *da* ile kullanıldığında *amma da ulakan!* biçiminde ünlem özelliği göstermesi bize biraz şüpheli geliyor. İlginç olan *amma da*'nın Osmanlıca (Türkçe) ile sesçe de benzeşmesidir. Bu sözün Arapça olması şaşırtıcı. Bize göre bu sözcüğün Yakutça'daki *ama*'dan çıkması daha mantıklıdır (Yakutça *ama* "sade, basit"); ikinci /m/'nin ise pekiştirme amacıyla kullanıldığını söyleyebiliriz.

Bizim bu tahminimiz, Setsu Fujishiro'nun yazılarında da doğrulanmak-

tadır. Örneğın, *ama ör* “çok uzun”, Dolganca *ama ulakan hamur tüstü* “çok yağmur yağdı”. Buna dayanarak (bir de E.A. Bettu çevirilerine dayanarak) *ama ör*’ü “nasıl büyük” biçiminde *ama ulakan hamur tüstü*’yü ise, “nasıl çok yağmur yağdı” diye çevirebiliriz. Bu nedenle *amma*’nın Arapça olmadığını kabul edebiliriz. Buna benzer biçimde *ambar*, *aragı*, *kaftan*, *hakir*, *kundük*, *kumās* gibi Arapça, Farsça alıntı sözcükleri de listemizden çıkarabiliriz. *Aragı* birçok Sibirya halkının dilinde bulunan bir sözcüktür. Diğer sözcükler ise, Rusça aracılığıyla girmiştir. Bunların dışında elimizde ilginç üç sözcük kalıyor: *Dol.ätänjä* “iyi, mutlu” (3.1), *bolot* “kılıç” (3.2.), *käpsä-* “konuşmak, bir şeyi tasvir etmek, anlatmak” (3.3); üç sözcükle bir sonuca varmak riskli olduğu için sadece tahminle yetiniyoruz.

3.1, 3.2.’deki örneklerde sözcüklerin Moğolca karşılığı verilmiş, 3.3’te ise verilmemiştir. Farsça *gäp*, nasıl Dolganca *käp* oldu? Aracı nedir, kimdir? Bizce Eski Kırgızca olabilir. Birkaç yıl önce Farsça *käkül*’ü örnek vermiştik, Kırgızca *kökül* “kahkül”, Yakutça *köyül* (~ *köyöl*). Bu durumda *-k-* > Yakutça *-γ-* gibiydi. Peki Kırgızca *kökül* /*ö-öl*’yü nasıl açıklarız. Aynı biçimde *käp* sözcüğünde de *g-* / *k-* değişimi sözkonusudur.

Bu durumda Arapça, Farsça sözcüklerin sadece Rusça ve Moğolca kanalıyla değil, Kırgızca aracılığıyla Yakutça’ya oradan da Dolganca’ya geçmesi sözkonusu ise, Müslüman olanlarla Müslüman olmayanların ilişkilerinde yeni bir yol bulmuş olmaktadır. Dolayısıyla 3.1 ve 3.2’nin Moğol kökenli olması şart değildir, çünkü onlar da Eski Kırgızca → Yakutça → Dolganca biçiminde Dolganca’ya girmiş olabilir. “Ödünçleme yoluyla bir dile sözcük girmesi” konusu burada kapanmamıştır. Çünkü henüz “batı aracılığıyla girme” ihtimali sorusu sorulmamış, yanıtı da verilmemiştir. 18. yüzyıl Tatar tüccarlarının mallarını Hakasya’dan götürmeleri “Tatar yolu” ihtimalini artırır, bunu da dikkate almalıyız.

Yenisey dillerinin rolü belirsiz kalıyor. Kat dilinde *araka* “şarap” sözcüğü görülmüştür (18. yüzyıl). Bu bir ara köprü müdür, yoksa Sibirya Türk dillerinden alıntı mıdır belli değildir. Bu konuda Yenisey kaynaklarına göz attıktan sonra ancak emin olarak Türkçe sözcüklerin bulunduğunu söyleyebiliriz (Örnekler için Rusça makaleye bak.). “Yenisey Tsintsius” gibi güvenilir bir sözlük olmadan, Yenisey dilleri için Tsintsius’un Mançu-Tunguzca sözlüğü gibi bir sözlük hazırlanmadan bu dillerin rollerini söyleyemeyiz.

Rus ve Moğol yollarından daha geçerli olması “Kırgız yolu”nun ö-

nemini arttırmaktadır. Çünkü Kırgızca'nın aracılığı X-XII. yüzyıl, Moğolca'nın aracılığı XIII-XIV. yüzyıl, Rusya'nın aracılığı ise, XVI-XVII. yüzyılda başlamıştır. Arapçalaşma ve Farsçalaşmanın az olmasını Dolganların atalarının Taymır'a gittikleri zaman Yakutça bölgesinde kısıtlı olarak yayılmalarına bağlayabiliriz. Bu kısıtlama en azından Yakutların atalarının iki göç dalgasına bağlı olabilir. Yakutça sözcüklerin sesbilimsel çözümlerinin yapılması Yakutça'ya kendisiyle iki farklı eski Türk diyalekti getiren iki (ya da daha fazla) eski göçün olduğunu göstermektedir. Eğer bu Arapça ve Farsça sözcükler birinci göç aracılığıyla olsaydı o zaman bölgede daha büyük bir yayılma beklenirdi. Bu sözcükler Dolganca'ya belki de bu göç sırasında girmiştir. Yakutça'daki diğer Arapça ve Farsça sözcükler Dolganlar daha Taymır'a gitmeden (bu ikinci göç olarak kabul edilmektedir) coğrafi olarak kısıtlı ve sadece son zamana yayılmış olmalı. Bunlar sadece tahmindir, daha farklı yorumlar da yapılabilir, ancak *kāpsā-* örneği açıkça bu modeli desteklemektedir [örnekler için Rusça bölümüne bak.].

Düşüncelerimizi desteklemek için bizim ele aldığımız 2 sözcük var:

1. *as* “gıda, yemek”: Bu sözcük araştırmacılarca İran kökenli olarak kabul ediliyor.

2. Bu sözcük Türk dillerinde bulunmakta. Eğer bu sözcük alıntıysa çok eski olmalı. Eski Türkçeden sonra olmamalı, bu nedenle bizim konumuzla ilgili değil. Burada yakından incelediğimiz sözcükleri hatırlarsak bunların Arapça, Farsça olmaları kesin olarak yanlıştır. Bu grupta yer alan örnekler: Dol., Yak. *ama* “basit, sade” Arap değil, Moğol kökenli ögedir. Dol., Yak. *ārbā-* “keser ile kesmek” Farsça değil özbeöz Türkçedir.

Dol., Yak. *küört* “boz, gri” < *körk* < *kögäräk* < **kök* “mavi, yeşil” . Bu sözcüğün Türkçe *kükürt* ile bağı yoktur.

ūs “usta”. Bu sözcük, Farsça *ustād* sözcüğü ile ilgili değil, Türkçe *u-* “yapabilmek, -e bilmek” ile ilgilidir.

Yazımı genç dilbilimcilerin Sibiryada dillerindeki Arapça ve Farsça sözcüklerle ilgilenmesi ve onların kuzeye giriş yollarını dolaylı değil derinlemesine ve özenle çözümlenmesi istek ve ümidiyle bitiriyorum.